Лебедева Г.Н. Панславизм в истории русской и славянской мысли // Fenomen Rosji: Pamięć przeszłości i perspektywy rozwoju. Część 1: Pamięć o przeszłości w idei i kulturze Rosji. Pod redakcją: M. Kowalskiej i M. Kuryłowicza. Copyright by individual authors and Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, 2014. – С. 173-181. – ISBN 978-83-7638-440-5

Лебедева Галина Николаевна,
к.филос.н., доц. кафедры философии,
ГАОУ ВО Ленинградской области
«Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
Тел.: +7 921 8827155
E-mail: gal_le@list.ru

ПАНСЛАВИЗМ В ИСТОРИИ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен «панславизма» как попытка объяснить многообразие проблем, связанных с культурным, этническим и политическим единством славянства. Впервые идеология панславизма возникла среди западных славян, которая затем добралась до России. Идеи панславизма для славян были средством самозащиты перед угрозой ассимиляции и растворения в окружающих народах. Кроме политической и социальной, большинство зарубежных славян испытывали и культурную униженность. В Российской империи и СССР панславизм имел оппозиционный характер.

Ключевые слова: панславизм, славяне, российская идеология, национальное объединение

Galina Nikolajevna Lebedeva,
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Leningrad State University named after A.S. Pushkin
Phone: +7 921 8827155
E-mail: gal_le@list.ru

PAN-SLAVISM IN THE HISTORY OF RUSSIAN AND SLAVIC THOUGHT

Abstract: The article considers the phenomenon of “Pan-Slavism” as an attempt to explain the variety of problems related to the cultural, ethnic and political unity of the Slavs. The ideology of Pan-Slavism first arose among the Western Slavs, and then it reached Russia. The ideas of Pan-Slavism were a means of self-defense for the Slavs against the threat of assimilation and dissolution in the surrounding peoples., The majority of foreign Slavs experienced cultural belittlement in addition to political and social ones. In the Russian Empire and the USSR, Pan-Slavism had an oppositional character.

Keywords: Pan-Slavism, Slavs, Russian ideology, national unity

Среди малоизвестных и малоисследованных явлений в российской идеологии и политики является панславизм (в XIX в. было принято название «славянский вопрос»). Панславизм никогда не был особенно влиятелен и популярен, однако без него нельзя объяснить такие исторические события, как политика России в 1877 г. при освобождении Болгарии или в 1914 г., когда именно стремление защитить Сербию стало формальным поводом к вступлению России в войну против Германии и Австро-Венгрии. Последний отзвук панславизма проявился в поддержке русскими добровольцами сербов в период Балканских войн 1990-х гг. Панславизм оказал определённое воздействие на идентичность некоторых славянских наций, в том числе, и русских. Впрочем, считать панславизм только фактом истории вряд ли дальновидно. Любой кризис в Европе вновь приведёт к подъёму этой идеологии.

Под термином «панславизм» в прошлом понималось всё многообразие проблем, связанных с культурным и этническим единством славянства. В разных славянских странах, например, в Чехии, Словакии, Хорватии, панславизм на

какое-то время делался весьма популярным и влиятельным политическим течением. Кроме того, существовали также варианты «мини-панславизма», т.е. «чехословакизм» и «югославизм». Результатами этих движений было существование Чехословакии и Югославии. Но со временем панславизм уступал место другим идеологическим направлениям, будь то либеральное или социалистическое.

В Польше панславизм никогда не был популярен, поскольку поляки всегда относили себя не к славянскому миру, а к западной цивилизации. (Считали ли на Западе Польшу своей полноценной и равноправной частью – другой вопрос). Своего рода польским мини-панславизмом можно считать упорное стремление Польши вернуть власть над восточными «кресами», что нашло отражение в восстаниях XIX в., и в «доктрине Гедройца» и в «исторической внешней политике».

Панславизм в той или иной степени присутствовал в русской общественной мысли ещё со времён «Повести временных лет». Уже Г. Крижанич (1619-1683 гг.) дал теоретическое обоснование панславизма, хотя именно он и пал жертвой главного камня преткновения среди славян – религиозного раскола славян на католиков и православных. Однако до второй половины XIX в. общеславянские проблемы не интересовали российское общество. В московскую эпоху «латынщина» была главным врагом Руси, с которым был невозможен компромисс, в отличие от ислама. Во времена Российской империи российское «передовое» общество больше интересовали проблемы всей «Европы», чем отношения с не имевшими государственность малыми славянскими народами. Даже славянофилы, несмотря на такое имя, в основном были заняты «домашними» российскими делами. Впрочем, славянофильство и панславизм – совершенно разные идеологии, хотя и обнаруживавшие симпатии друг к другу в некоторых частных вопросах.

Но вскоре после начала Великих реформ 1860-70 гг., приведших к освобождению крепостных, отношение российского общества, к несвободным славянам, резко изменилось. Освобождение своих угнетённых сословий не

могло не вызывать ассоциации с угнетёнными зарубежными славянами. Во второй половине XIX в. панславизм получил самое широкое распространение среди всех слоев и политических сил российского общества. «Панславизм в России не есть программа какой-либо партии, а политическая исповедь русского народа», – писал известный журналист, кстати, весьма недолгоблизавший поляков, М.Н. Катков. Для той эпохи всё это не звучало преувеличением.

Никогда прежде, да и в дальнейшем, вопрос о славянском единстве не имел такого значения в интеллектуальной жизни российского и славянского общества. Во второй половине XIX в. панславистское направление в общественной мысли действительно владело массами, и имело шансы реализоваться на практике. Потенциально Россия того времени действительно имела возможность возглавить панславянское единство.

Панславизм в Российской империи в 1850-60-е гг. имел подчёркнуто оппозиционный характер. Славянофилы считали петербургскую империю немецким государством и в меру возможности, пользуясь малейшим ослаблением цензуры, вели панславистскую агитацию. Но это часто приводило к репрессивным мерам против сторонников этого направления.

В 1858 г. в России возникли также Славянские Комитеты, ставшие в пореформенные годы влиятельной идеологической и политической силой. Современники не случайно уподобляли Славянские Комитеты партии, а неформальный лидер Комитетов, не занимавший никаких государственных постов, И.С. Аксаков, превратился в политика европейского масштаба.

Годы общественного подъёма в России совпали со временем национального объединения Италии, Германии, Румынии. Всё это также не могло не навести на мысль, что и славяне смогут обрести единство если не политическое, то культурное. Для данной темы особое значение имеет то обстоятельство, что впервые идеология панславизма возникла среди западных славян, которая лишь затем добралась до России.

К середине XIX в. за пределами России из славянских земель полную независимость имела только Черногория. Остальные народы жили под властью

немцев и венгров (в Австро-Венгрии) и турок. Практически повсюду славяне были угнетены, господствующие классы в славянских землях состояли из иноземцев и ассимилированных славян.

Как всегда, особняком стояла Польша. Не имея государственности, польские земли пользовались различными степенями автономии в составе трех империй. При этом из поляков (точнее, ополяченных восточных славян и жмудинов) состоял господствующий класс в западных губерниях Российской империи (нынешней Литве, Правобережной Украине, Белоруссии), а также австрийской Галиции.

Помимо политической и социальной, большинство зарубежных славян испытывали и культурную приниженность. Их языки были сведены до уровня простонародных наречий, существовали запреты на преподавание на родном языке. В Османской империи к этому добавлялся религиозный гнёт. Ещё в начале XIX в. ассимиляция и растворение в окружающих народах славян казалась вопросом времени. Среди австрийских славян заметную прослойку стали составлять различные группы перешедших на немецкий язык и культуру «полунемцев», в Венгрии среди словаков выросло значительное число «мадьяронов», а на Балканском полуострове среди «потурченцев» стал складываться боснийский мусульманский этнос. Не случайно знаменитый чешский историк и философ Й. Добровский (1753-1829 гг.) считал историю своего народа законченной и свои книги писал по-немецки. Масштабная германизация проходила в Познани, а Силезия и Померания читались полностью немецкими землями.

Во второй половине XIX в. славянские народы активно пробуждаются во всех сферах культурной деятельности. Парадоксальным образом, толчок к теоретическому панславизму дали революционные события в Австрийской империи, в которых славяне сыграли контрреволюционную роль, (за исключением, опять-таки, поляков) оказавшись, вместе с русскими войсками, спасителями Габсбургов. Однако, выступая против германских и венгерских

революционеров, для которых славяне были «реакционными народами», в конечном счете, славяне защищали свою национальную идентичность.

Так, когда лидер революционной Венгрии Л. Кошут отказался дать автономию славянским народам, входящим в состав возрождаемого венгерского государства, заявив хорватской депутации, что не знает такого народа, как хорваты, то это определило поведение всех немадьярских этносов страны. Губернатор Хорватии Й. Елачич повёл войско хорватов и сербов на Вену и Будапешт. Елачич прямо объяснил причину, по которой весь хорватский народ поднялся сражаться за Габсбургов против демократии: «Я бы предпочёл видеть мой народ под турецким игом, чем под полным контролем его просвещённых соседей... Просвещённые народы требуют от тех, кем они правят, их душу, то есть, говоря иначе, их национальную принадлежность». Подобные чувства разделяли и чехи, выступавшие против присоединения Чехии к объединённой демократической Германии. Не случайно видный деятель Чешского просвещения К. Гавличек - Боровский, говорил немецким демократам: «Что вы нас, немцы, страшаете русским кнутом (*russische Knute*); для нас, славян, он предпочтительнее и лучше вашей немецкой свободы».

Таким образом, в ходе европейских революций 1848-49 гг. славяне составляли консервативную силу, поскольку выступали за свое существование, а не за торжество демократических принципов. Но, как уже отмечалось, даже консервативный панславизм был оппозиционным официальному Петербургу, поскольку требовал переориентации всей внешней и во многом внутренней политики Российской империи. Наиболее последовательная программа панславизма, изложенная в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», предполагавшая ликвидацию Австро-Венгрии и Османской империи, фактически предлагала русскому царю возглавить национально-освободительную революцию славянских народов.

Самым показательным в русском панславизме пореформенных лет было то обстоятельство, что он лишь в малой степени был «соблазном крови». Не столько этнические, сколько языковые и культурные факторы выдвигались на

первое место в обосновании необходимого единения славян. Во второй половине XIX в., когда пышным цветом расцвели различные расистские теории (напомним, что в 1853 г выходит книга А.Ж. де Гобино «О неравенстве человеческих рас», тогда же появляются различные социал-дарвинистские теории), русские панслависты, почти не беспокоившиеся о «чистоте крови», были чем-то странным.

Близость славянских языков, между самыми удаленными частями которых было больше сходства, чем в немецких и итальянских диалектах, была в панславизме главным доказательством того, что среди славян возможно, наряду с политическим и культурным, так же и языковое единство. В XIX в., когда только складывались нормы литературных языков, проблема языкового единства славян казалась решаемой. Выход виделся или в использовании славянами в качестве литературного общеславянского русского языка, или в разработке особого искусственного языка. Оба эти варианта имели своих активных защитников. Так, за превращения русского языка в общеславянский, выступали такие выдающиеся мыслители славянских земель, как чехи И. Юнгман, И. Гурбан, словаки Л. Штур и К. Кузмани. Главный довод заключался в том, что на русском разговаривает большая часть славян, что на нем существует богатая художественная и научная литература, и наконец, русский более или менее понятен всем славянам.

Однако по причинам, прежде всего, политическим, русский язык не стал всеславянским. Правительства Австро-Венгрии, в соответствии с правилом «разделяй и властвуй», всячески препятствовали возникновению объединяющей своих славянских подданных культурной силы в виде общего языка. Напротив, именно в Австро-Венгрии поощрялось создание литературы на самых мелких наречиях, дабы ещё сильнее расколоть славян. В самой России, учитывая неграмотность большей части населения, равнодушие правящих верхов к просвещению зарубежных славян, малочисленности русских школ за границей, враждебности католической церкви к России, эта идея не вызывала отклика. В

таких условиях у русского языка действительно было мало шансов стать общеславянским.

Создание искусственного языка в XIX в. не было чем-то удивительным. Можно вспомнить, что в основу итальянского литературного языка был положен флорентийский диалект XV в., на котором к моменту политического объединения страны говорило 600 тыс. человек из 27-миллионного населения Италии. В Норвегии, где много веков господствовал датский язык, после обретения самостоятельности в 1814 г., началась борьба за создание «чисто норвежского» языка на базе народных говоров. В результате в этой маленькой стране уже в XX в. сложились сразу три литературных языка (литературный датский, обновленный датский и «чисто» норвежский). Это не прошло мимо деятелей славянской культуры. Попытки создать общеславянский язык на базе общепонятных слов предпринимали словенцы Я. Геркель (автор термина «панславизм», впервые упомянутого в 1826 г.), М. Маяр, поляк С. Ланде, русский А.Ф. Гильфердинг. Однако все предложенные ими варианты общеславянского языка были слишком искусственными и непонятными.

Религиозный раскол славянства на католиков и православных отразился и в вопросе о графике языка всех славян, будь то русский или новосоздаваемый. Католическая церковь категорически выступала против кириллицы, в свою очередь православные отвергали латинский алфавит. Это обстоятельство привело к своеобразной полемике по поводу алфавита будущего всеславянского языка. Известный чешский ученый П. Шафарик выступал за кириллицу, в то же время польские панслависты, начиная со С. Сташица, призывали самих русских перейти на латиницу. Следует заметить, что при всей религиозной непримиримости католиков с православными, в 1860-гг. был осуществлен переход православных румын на латиницу. Частично вопрос создания общего языка для части южных славян был решен путем создания на базе говоров славян Боснии сербохорватского языка. Что бы не вызывать религиозных споров, единый литературный язык получил сразу две графики – «латиницу» и

кириллицу. Таким образом, дискуссии о будущем языке и его графике не были такими уж абстрактными.

Однако главным камнем преткновения в славянских делах были религиозные различия. Взаимоотношения России с Ватиканом в пореформенную эпоху были очень напряженными из-за польского вопроса и проблем с галицкими униатами. Непримируемость двух ветвей христианства заводила в тупик все общеславянские предприятия. Однако преодолеть конфессиональную раздробленность славянства деятелям панславизма так и не удалось. Одной из причин этого, как ни парадоксально, был именно консервативный характер движения, со свойственным консерватизму упором на традиционную религию, отрицающим всякий религиозный модернизм. В этом было принципиальное отличие панславизма от подобных объединяющих движений типа итальянского или германского, для которых был характерен резкий антиклерикализм.

Наиболее наглядно противоречия внутри славянства, доказывающие цивилизационную несовместимость разных частей славянского мира, показали русско-польские конфликты. «Польский вопрос» был самым острым внутренним вопросом России на протяжении большей части XIX в., отравлявшим также и всё панславистское движение. Восстание 1863 г. вызвало определённый кризис панславизма. В конце XIX в., парадоксальным образом, именно после успехов славянских движений, когда стало ясным, что угроза ассимиляции славян немцами и венграми исчезла, панславизм пришёл в кризис. Как только положение славянских меньшинств в Австро-Венгрии и Германии несколько улучшилось, в результате упорной борьбы за свои права с участием российской дипломатии, а большинство балканских славян получили независимость после русско-турецкой войны 1877-78 гг., то на первый план в жизни этих народов выдвинулась более прозаические стремления к расширению политических и социальных прав внутри своего общества. Среди новых устремлений зарубежных славян было развитие своей литературы на национальном языке, подъем собственной культуры, закрепление собственной независимости,

утверждение парламентаризма и представительной демократии. К концу XIX в. стало ясно, что большинство зарубежных славян относят себя к западной цивилизации. Славянский культурно-исторический тип, о котором писал Н.Я. Данилевский, так и не стал реальностью.

Короткую, но яркую вспышку панславизм пережил в первые полтора десятилетия XX в. Это был т.н. неославизм. Вопросы создания общего языка и культуры уже не ставились, речь теперь шла в основном об укреплении политических и экономических связей между славянскими странами, а также об окончательном освобождении балканских славян. В 1914 г. именно из панславистских настроений общества Россия вступила за Сербию. Но в первой мировой войне Болгария оказалась в противоположном лагере, а в целом славянские народы оказались лояльными своим правительствам. Чехословацкие легионы на стороне России и польские легионы Пилсудского на стороне Австро-Венгрии – все эти героические легенды не меняли этого обстоятельства.

Таким образом, завершая разговор о панславистских концепциях русской мысли, можно заметить, что, несмотря на то, что ни культурного, ни политического объединения славян не произошло, но панславизм сыграл выдающуюся роль в деле пробуждения национального самосознания славянских народов, в том числе и цивилизационно чуждых России, приостановив ассимиляцию славян западными и восточными завоевателями. Балканские славяне вообще получили независимость из рук России. На сегодня славяне или уже вошли, или мечтают войти в «Европу». Впрочем, когда-то западные славянские страны в основном добровольно входили в состав раннего Евросоюза – Священную Римскую империю, чтобы потом веками бороться с ней за свою идентичность. Любой кризис ЕС вызовет движение среди народов, не желающих растворяться в чем-то «общеевропейском». Так что рождение своего рода неонеославизма представляется вполне возможным.